

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

**ПЕСЧАНАЯ
БУРЯ**

Сергей Иванович Зверев

Песчаная буря

Серия «Спецназ ВДВ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6351298
Сергей Зверев. Песчаная буря: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66967-7

Аннотация

В советские времена в Сомали была построена секретная лаборатория, в которой разрабатывалось химическое оружие. Но функционировала она недолго: в 1977 году сомалийская армия вторглась на территорию Эфиопии, началась война, и советским ученым пришлось срочно покинуть страну. Вывезти ничего не удалось. Секретный объект был законсервирован... Прошли годы. Союз распался, и о лаборатории забыли. Но в один прекрасный день о советском наследии пришлось вспомнить. Спутники зафиксировали, как на территорию лаборатории пытаются проникнуть вооруженные люди. В Сомали срочно вылетает группа спецназа ВДВ под командованием майора Лаврова. Бойцам приказано во что бы то ни стало уничтожить секретный объект и тех, кто пытается его захватить...

Содержание

Сомали, 1977 год	4
Наши дни	12
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Зверев

Песчаная буря

Сомали, 1977 год

Горизонт озарялся вспышками взрывов. Грохотало так, что аж стекла дребезжали. Ночная темнота перестала нести в себе первоначальный смысл, было светло практически так же, как днем. В небе носились истребители, вспыхивали яркие облачка. Местное население оказалось очень темпераментным и сейчас грызлось с эфиопами. Правда, военные действия не принесли результатов и теперь шли на территории Сомали.

Скорее всего сомалийцы потерпят поражение. Все шло именно к этому. Их многократно предупреждали на сей счет, когда они целой делегацией появились в Москве. Теперь же все советские специалисты срочно эвакуировались из этой страны, оборудование вывозилось, все связи разрывались.

К пятерым ученым, ожидающим эвакуации, подбежал майор Терентьев, оглядел людей, вздрагивающих от близких взрывов, и участливо поинтересовался:

– Как вы? Никто не ранен?

– Все в порядке, – ответила за всех Наталья Петровна Симонова, пожилая женщина, профессор биологии. – Но когда

же нас заберут из этого ада? Оборудование вывезли, людей что-то не торопятся.

Майор оглянулся в ту сторону, откуда пришел, и успокоил своих подопечных:

– Потерпите, скоро должен прибыть транспорт. Только, товарищи ученые, хочу сразу вас предупредить, что ехать придется не в автобусе, а на броне БТР.

– Ничего, товарищ военный. – Петр Сергеевич Тихонов, специалист по химическому вооружению, уже в годах, вздрогнул от особенно громкого взрыва. – Пусть так, мы согласны потерпеть, лишь бы уехать отсюда.

Мимо проехал советский танк, проследовала рота морского десанта, в небе оглушительно проревел истребитель, пронесшийся слишком низко. Стекла наземной части лаборатории едва не вылетели из рам. Горизонт осветился очередной серией вспышек, донесся какой-то непонятный рев. Мощно загрохотал пулемет.

Петр Сергеевич поежился, бросил испуганный взгляд на небо и спросил у майора:

– А как дела в Могاديшо, товарищ военный? Всех вывезли?

Терентьев мрачно усмехнулся и сообщил:

– Морской десант высаживать пришлось. Сомалийцы совсем обнаглели. Огни на взлетно-посадочной полосе отключают, наши самолеты в итоге садятся в полной темноте. В общежитиях все стекла переколотили, трех специалистов жут-

ко избили, пришлось в реанимацию отправлять. Толпы погромщиков бегают по столице и ведут себя почище средневековых дикарей. Таможенники вообще звереют, придираются к вылетающим и заставляют снять всю одежду, мотивируя это тем, что наши граждане вывозят наркотики и запрещенное оборудование. Много унижений приходится выдерживать. А все почему? Да потому что мы отказались сомалийцев в войне поддерживать.

Ученые дружно вздрогнули от близкого взрыва, сбились в кучу, косясь на приближающиеся боевые действия.

Майор продолжил:

– Поговаривают, что здесь останутся шестеро наших дипломатов. Ровно столько, сколько сомалийцев в Москве. Идиоты, возомнили, будто смогут что-то нам противопоставить!.. Столицу их за два часа боя взяли, гарнизон разбежался весь. Какие из них вояки? Только исподтишка ударить могут да на Эфиопию зубы скалить. Идиоты, не иначе.

Петр Степанович Горохов, самый молодой из всех пятерых, но уже защитивший докторскую диссертацию, был в таком же настроении, что и майор.

– Надо было их с самого начала на место поставить! – мрачно заявил он. – Не было бы сейчас такого бардака. Почували выгоду, полезли в Эфиопию, вооружившись с нашей помощью. А теперь? Они выгоняют всех советских специалистов со своей земли, кричат и бьют стекла. Что за люди? Обучили их всему, бронетехнику дали! В итоге приходится

бросать все разработки и спешно уезжать домой.

Рядом что-то оглушительно взорвалось. Несколько стекол не выдержали звукового удара и с треском раскололись на мелкие кусочки. Ученые аж присели от неожиданности. В небе опять мощно проревел истребитель, который летел так низко, что казалось, будто он врежется в здание на полной скорости.

Иван Григорьевич Смагин, специалист по боевым отравляющим веществам, низенький и лысоватый, страхнул с рубашки осколки стекла и возмутился:

– Да когда же это кончится?! Еще пять дней назад и речи не шло о какой-то стрельбе, а сейчас!.. Того и гляди зацепит!

Майор закурил, пытаясь унять нервы, и попробовал успокоить ученых:

– Потерпите, немного осталось. Скоро приедет борт, вас отсюда заберут. Уже к утру на нашем корабле будете.

– А нам дадут доехать, товарищ военный? – Симонова с тревогой посмотрела на вспышки у горизонта. – По дороге не нападут?

Майор и сам не знал, что могло приключиться по дороге, но уверенно ответил:

– Все будет в порядке. С бронетранспортером прибудет сопровождение. Ничего страшного по пути до побережья не случится, товарищи ученые. Все вы в целости и сохранности вернетесь домой. Через пару недель уже в Москве будете, а то и гораздо раньше.

– Хотелось бы верить. – Пятый ученый, Иван Григорьевич Дягилев, старше всех, но и самый опытный в химических делах, тоже закурил, нервничая, как и майор. – На побережье вроде бы пока тихо. Наш флот разогнал всех недовольных.

– Да, урок был знатный. – Майор усмехнулся. – Пять кораблей потопили, остальные даже стрелять не стали, так разбежались. В Баб-эль-Мандебском проливе пока шалют, но тоже скоро получают по шее, нарвутся на замаскированный боевой корабль. Недолго осталось.

Из темноты выехал танк, совершил разворот и остановился рядом с лабораторией. С него соскочили пятеро десантников и заняли позицию для боя. Судя по всему, очень скоро фронт докатится и сюда. Все были встревожены, никому не хотелось участвовать в перестрелке. Ученых попросили зайти в лабораторию и ждать там. Ведь от шальных пуль, как известно, никто не застрахован.

Майор Терентьев тоже зашел внутрь и в очередной раз попытался успокоить взволновавшихся ученых:

– Ничего страшного. Если и не успеют вас забрать, то придется малость переждать под землей. В лаборатории можно хоть год сидеть, оборону удерживать легко, продукты там вроде остались. Фронт прокатится мимо, а с эфиопами у нас хорошие отношения. Воевать с нами им ни к чему.

Ученые укрылись за оборонительными козырьками. Они тревожно всматривались в окна, ожидали, когда же их эвакуируют. Все пятеро понимали, что в случае нападения им

действительно придется спуститься и пережить на верхних уровнях подвала. Только вот никому не хотелось сидеть на пороховой бочке. На пяти подземных этажах находились склады химического оружия. Вывезти его вовремя не сумели, и в случае взрывов запросто могла произойти утечка. Или же перекрытия рухнут и похоронят людей под собой. Хорошего мало при любом раскладе.

Терентьев отошел от входа, снял со спины автомат и распорядился:

– Спуститесь-ка пока вниз, товарищи ученые. Мало ли что.

В этот момент Наталья Петровна Симонова увидела вдалеке огни фар и радостно воскликнула:

– Едут! Нас сейчас заберут отсюда.

Майор оглянулся, прошел к выходу, всматривался несколько секунд, затем кивнул и подтвердил:

– Да, это за вами, товарищи ученые. Ну вот и дождались. Скоро вы будете в полной безопасности. Да и нам не придется лабораторию удерживать. Мы тоже скоро уйдем отсюда. Нам грызня с сомалийцами ни к чему. Пусть сами в своем котле варятся, это их проблемы.

Через пять минут к лаборатории подкатил советский бронетранспортер с двумя танками сопровождения и охраны. С БТРа спрыгнули десантники с оружием и принялись помогать ученым грузить вещи в распахнутый люк. Потом парни запихнули на броню и их самих.

Майор махнул рукой, давая понять, что водитель может уезжать. Потом он собрал вокруг себя семерых десантников, коротко объяснил поставленную задачу и увел в лабораторию. Им предстояло еще раз проверить все уровни. Вдруг где-то и забыли кого? Потом бойцы должны были закрыть доступ на пять нижних уровней, где оставалось много чего опасного. Если бы не приближающиеся военные действия, то вывезли бы все, а так... пришлось оставить и законсервировать.

Неизвестно, в чьи руки попадет это химическое вооружение. Пусть уж спокойно лежит до лучших времен. Забрать можно и потом.

К рассвету ученые благополучно добрались до побережья, поднялись на корабль и вскоре вернулись в Советский Союз. Лаборатория осталась законсервированной. Во время войны она много раз переходила из рук в руки, но о пяти нижних уровнях никто не знал. Поэтому химическое оружие продолжало спокойно лежать на складах.

Потом война кончилась, наступили мирные времена. Заброшенная советская лаборатория по разработке и производству химического оружия была занята группировкой «Джамаат Аш-Шабааб» и превращена в довольно удобную укрепленную базу. Химическое оружие по-прежнему осталось нетронутым. Исламисты ничего о нем не знали и вниз спускались редко.

Советский Союз перестал существовать. Начинались но-

вые времена, и до Сомали никому дела не было. Документация пылилась в архивах, ученые доживали последние дни. О лаборатории постепенно стали забывать. Но, как оказалось, не все.

Наши дни

За окнами ослепительно сияло солнце, отражаясь в многочисленных стеклах небоскребов. Типичный пейзаж крупного американского города. Самый разгар лета, жарища, голубая дымка смога, шум многочисленных машин, пара вертолетов, стрекочущих в небе, океан на горизонте.

Америка. Самая богатая и современная страна в мире. Именно здесь, по мнению американцев, люди живут, а в других странах – существуют. Именно здесь сосредоточены все блага цивилизации. Именно здесь можно сказочно разбогатеть за очень короткий срок. Америка – страна возможностей. Это знает каждый.

В небольшом кабинете находилось трое мужчин. Высокий голубоглазый блондин в дорогом черном костюме, небрежно покуривающий сигару у окна. Низенький толстоватый брюнет за столом, одетый в гавайскую рубашу и шорты. Ну и пожилой человек, сидящий в кресле и только что закончивший долгий рассказ.

– Так вы утверждаете, мистер Горохов, что эта бывшая лаборатория имеет пять подземных законсервированных уровней? – Блондин сунул сигару в пепельницу и повернулся к пожилому человеку: – Тогда почему сомалийцы до сих пор не вскрыли их?

Петр Степанович Горохов ответил:

– Они ничего не знают об этом. Их ученые вниз не допускались и работали только на десяти надземных уровнях.

– Занятно.

Неделю назад Петр Степанович еще был в России. Теперь же он приехал навестить дочь и нисколько не желал возвращаться. Ему хотелось навсегда остаться здесь и прожить свои последние годы в роскоши и комфорте. Но для этого нужны деньги. Не будешь же сидеть на шее у дочери! Она и сама еле-еле концы с концами сводит, работает на двух работах, еще и мужа-разгильдяя содержит. Кому нужен престарелый родитель? Вот-вот...

Тут-то Петру Степановичу и пригодилась давнишняя работа на оборонку. Секрет можно сбыть американцам. Плевать на мораль и совесть. Другие вон что угодно продают, и ничего с ними не делается. Они живут в человеческих условиях, ездят на дорогих машинах, отдыхают на курортах и никогда не жалеют о том, что поменяли какую-нибудь тайну на зеленые бумажки.

Дома ждет мизерная пенсия, которой едва хватает на продукты и лекарства. Загаженный подъезд пятиэтажки, построенной при недоразвитом социализме в неблагополучном районе. Опостылевшая трехкомнатная квартира, которая зимой толком не отапливается, а летом в ней можно свариться заживо, так как окна располагаются с солнечной стороны. Местное хулиганье, вечно пьяное и обкуренное, совсем не уважающее пожилых людей. С одной стороны прожива-

ет вечно пьяный дебошир, постоянно включающий громкую музыку по ночам. С другой – многодетная семья, круглосуточно галдящая на все голоса. Верхние соседи-алкоголики, раз в месяц стабильно забывающие выключить воду в ванной комнате и устраивающие потоп на нижних этажах.

Надоевшая родина, совсем не заботящаяся о своих пенсионерах. Хотя вся жизнь была посвящена ей, лучшие годы отданы, заветные мечты похоронены. А в ответ что? Да ничего. Помрешь, и похоронить некому будет. Все дети разъехались и не навещают.

Теперь же у Петра Степановича появился шанс немного пожить в свое удовольствие. Он мог продать американцам ветхий советский секрет и получить за это немалые деньги. Плевать на уколы совести! Все жить хотят, причем хорошо, даже очень.

Родина могла бы платить пенсионерам и побольше, да и в санаториях лечить каждый год. Не озаботилась, что ж, сами побеспокоимся и заработаем, если надеяться не на кого. Тем более что в Америке, в отличие от России, о пенсионерах не забывают. Тут с них пылинки сдувают, всячески поддерживают расшатанное здоровье. А в России!.. Там стариков только побыстрее спроваживают на тот свет, освобождая ценную жилплощадь.

– Что вы хотите за эту информацию, мистер Горохов? – Блондин отошел от окна, прекратив размышлять и глядеть на далекий океан.

Он дошагал до стенного шкафа, достал оттуда небольшую синюю папочку и уточнил:

– Деньги?

Горохов улыбнулся. Приятно иметь дело с понимающими людьми.

– Я хочу американское гражданство и солидный счет в надежном банке, – ответил он. – У меня нет никакого желания возвращаться на родину.

Теперь, впервые с самого начала встречи, заговорил брюнет:

– Вы все это получите, мистер Горохов. Но сначала мы должны проверить вашу информацию, убедиться в том, что в этой лаборатории действительно есть дополнительные уровни, на которых хранится химическое оружие. Это займет некоторое время.

– Я все прекрасно понимаю, господа. – Петр Степанович ничего нового не услышал. – Готов подождать.

– Вам есть где остановиться?

– У меня дочь здесь живет. Остановлюсь у нее.

Конечно, не слишком приятно будет соседствовать с зятем-разгильдеем, который не работает и пьянствует каждый день. Но, думается, долго терпеть не придется. Месяц-два, и появится возможность переехать в собственную квартиру. А то и в богатый особняк, этажа на три. Чем черт не шутит! Машину дорогую купить, яхту, самолет, все прочее. Жить в свое удовольствие и напрочь забыть о России.

Честно говоря, вспоминать-то и не о чем, сплошная серость и скучность. Разве что коллеги? Но их осталось всего ничего. Время забирает одного за другим, все смертны, никто не живет вечно. Соседи? Ну их!.. Век бы не вспоминать этих сволочей! Квартира? Да продать ее, и все дела. Или пусть сын живет, который дожидаться не может, когда она освободится. Пенсия? Пусть подавятся этими крохами. Все равно ее не хватает ни на что. Институт? А смысл? Петр Степанович в последний раз там был несколько лет назад. В том здании теперь не институт, а торговый центр. Все стремятся к прибыли и плюют на науку.

Раньше как было? Создавали, верили в будущее, стремились к сияющей вершине социализма. Где теперь это все? Продано или роздано просто так, даром.

После Сомали Горохову довелось трудиться в крупнейшем научно-исследовательском институте. У него было множество блестящих перспектив. Ему просто не верилось, что такая мощная отрасль развалится за столь короткий срок. Никто и представить себе не мог, что спустя всего двадцать лет поменяются основные общественные ценности, на улицах будут убивать за копейки, ученые всех специальностей станут переезжать за границу, рубль резко обесценится, а коррупция власти достигнет таких высот, что ни в какой другой стране мира российских политиков никто переплюнуть не сможет.

Плюс криминал, который разросся до чудовищных раз-

меров. Просто немыслимо, что творилось в девяностые годы. Пенсионеров убивали из-за квартир. На улицах выстрелы сутками гремели. Пенсию отбирали у старушек среди бела дня. Сплошные покушения, взрывы, кровь и прочие ужасы.

— Мистер Горохов, вы пока располагайтесь у дочери. Мы проверим эту информацию и сразу же с вами свяжемся, обсудим условия. — Блондин достал из кармана визитку и протянул ее ученому. — Здесь контактный телефон.

Петр Степанович взял карточку, убрал ее в карман, решил быть немного наглым и заявил:

— Я, конечно, понимаю, что мои сведения требуют проверки, но мне бы хотелось получить некоторый аванс, господа. С деньгами у меня туго, а кушать что-то надо. Да и дочь стеснять не хотелось бы.

Брюнет без разговоров вытащил из ящика стола пачку долларов, положил на краешек.

— Вот. Ваша информация весьма ценная, мистер Горохов. Нам не хотелось бы, чтобы вы испытывали финансовые трудности.

Петр Степанович поднялся с кресла, пожал руки американцам, попрощался, забрал деньги и вышел из кабинета.

Блондин раскурил новую сигару, вновь подойдя к окну, начал перелистывать бумаги из папки и задумчиво проговорил:

— Забавное будет дельце, Джонс. Есть возможность выво-

ротить из той лаборатории всю химическую дрянь и заявить общественности о том, что Россия не соблюдает условий договора. Шумиха поднимется жуткая. Русским ни за что потом не отмыться.

Брюнет встал из-за стола, подошел к окну, глядя на океан, усмехнулся и проговорил:

– Ты прав, Гарри. Отмываться они будут долго, даже очень. Но для начала следует отправить в эту лабораторию наших ученых. Пусть осмотрят там все. Если они обнаружат что-то действительно интересное, то необходимо будет скорее вывозить и прятать такие находки. Химию, которая попроще, будем показывать.

– Отличная идея, Джонс.

Первым делом Петр Степанович сменил одежду. Потрепанный костюм очень уж стеснял бывшего ученого мужа, которому хотелось выглядеть как нормальный человек. С языком пришлось туговато, до жестов дело дошло, тем не менее своей цели ученый достиг. Поглядев в зеркало, он остался вполне доволен своим внешним видом.

В России ему пришлось бы пару пенсий потратить на такой наряд, а потом два месяца жить взаймы. Долг рос бы как снежный ком. Короче, не видать бы ему такого костюма на родине, как своих ушей. А здесь это реально. Карман жгла пачка новеньких долларов, настроение замерло у самой верхней отметки.

По этому поводу Петру Степановичу захотелось немно-

го выпить. Причем не какой-нибудь сивушной дешевой водки, а настоящего коньяка. Такого, который люди пьют в фильмах, показываемых по телевизору. С долькой лимона. Небрежно развалившись в кресле. Покуривая кубинскую сигару. Чтобы непременно была хрустальная пепельница, лакированная поверхность черного стола и приглушенный полумрак. Да.

Петр Степанович аж вздрогнул. Дома за такое удовольствие ему пришлось бы уже три месяца в долг жить, а на следующие полгода забыть о нормальной еде, перебиваться макаронами, бульонными кубиками и гречкой. А тут все это вполне реально! Действительно, Америка – страна возможностей! И дня не прошло, а уже такую кучу денег заработал.

Дома... а ну его в баню, этот дом родной. Здесь гораздо лучше. Пройдет какой-то месяц, он получит американское гражданство, откроет солидный счет. Родина забудется за короткий срок, станет просто жутким кошмаром, который теперь далеко позади. Впереди только беззаботная и сытая старость, жизнь в человеческих условиях. Что еще надо для счастья?

Продавщица что-то говорила, указывая на приобретенные вещи. Петр Степанович достал из кармана ручку, нарисовал на листке бумаги вопросительный знак, добавил к нему символ доллара. Потом он передал ручку и развел руками. С английским у него было туго, даже очень. Мистер Горохов знал лишь одно-единственное слово, но в присутствии женщины

его произносить не принято. Любая дама может посчитать это за сексуальное домогательство.

Продавщица все поняла и написала сумму. Увидев доллары, она несколько удивилась, но потом вспомнила, что русские редко пользуются кредитными картами, предпочитают рассчитываться наличкой. Такие вот они, эти бывшие коммунисты. Все скупили и захватили. Белый дом только не тронули да статую Свободы.

Расплатившись, Петр Степанович отправился искать питьевое заведение, а по пути выбросил старую одежду в мусорный бак. Он еще и руки брезгливо отряхнул, как бы прощаясь тем самым со старой жизнью.

Улица встретила его тем самым американским шумом, который он частенько наблюдал на экране своего старенького телевизора, когда крутили очередной заграничный боевик или сериал. Плотным потоком двигались автомобили. Образовалась пробка, водители сигналили, ругались. Американцы-пешеходы суетливо спешили во всех направлениях, обгоняя неспешно идущего ученого, пару раз даже толкнули его, но испортить ему настроение уже никак не могли. Он просто шел и улыбался, ощущая гигантский приступ счастья.

Еще месяц назад Петр Степанович и подумать не мог, что окажется на улице крупного американского мегаполиса в новеньком костюме и с пачкой хрустящих долларов в кармане. Скажи ему кто такое, он просто посмеялся бы и покрутил бы у виска пальцем. Но теперь его ноги ступали по брусчат-

ке улицы большого заокеанского города, нос вдыхал воздух свободы вперемешку с выхлопами, а глаза видели ту самую загадочную американскую жизнь, о которой несколько недель назад только мечтать оставалось или по телевизору смотреть. Где-то здесь живут мировые знаменитости, бродят преступники с большими пистолетами, их ловят дотошные полицейские, а во-он там возвышается гигантская статуя девки с факелом, этакое олицетворение Соединенных Штатов Америки. Красота!

Отыскалось требуемое питейное заведение. По крайней мере, на витрине красовалась алкогольная продукция. Петр Степанович вошел и был приятно удивлен русской речью. Бармен сотрясал матом воздух, требуя с пьяного клиента оплатить выпитое. Тот кивал нетрезвой головой, растерянно шарил по карманам в поисках завалявшихся денег и бормотал что-то виноватое.

Ученый заранее вытащил из пачки пару бумажек, остальное запрятал поглубже, подальше от греха.

Он направился прямо к стойке, уловил паузу, когда крик на секунду прекратился, и вежливо поинтересовался:

– У вас коньяк имеется в продаже, уважаемый?

Бармен, явно хохол, прекратил орать на виноватого клиента, напустил на красное лицо немного улыбки, скорее дежурной, чем искренней, кивнул и заявил:

– Имеется. Тебе, москаль, сколько?

Горохов радостно улыбнулся и ответил:

– Для начала граммов двести.

Бармен ловко поставил на стойку бокал, отмерил двести граммов, пододвинул и выдал:

– На. Чтоб ты подавился, харя московская. С тебя тридцать баксов.

Он принял деньги, отсчитал сдачу, развернулся к пьяному клиенту и опять начал ругаться.

Петр Степанович нисколько не обиделся. Он прекрасно знал об отношении украинцев к русским. Горохов взял стакан и прошел за столик. Там он сделал глоток, прислушался к вкусовым впечатлениям и недоуменно пожал плечами. Обычный подкрашенный самогон, ничего такого исключительного. И чего все его хвалят? Почему? Впрочем, плевать, пусть будет так, как уж есть.

Ученый огляделся, сделал еще глоток и закурил. Вот она, Америка. Бар не чета всяким там российским забегаловкам. Кругом чисто, все посетители опрятно одеты, столы красивые, занавески на окнах. Плевать, что тут хохол всем грубит. По телевизору рассказывали, что в Америке целые украинские кварталы имеются. Ничего такого.

Пьяный клиент наконец-то отыскал деньги в карманах, рассчитался со злым хохлом, небрежно вызвал по мобильнику такси и покинул питейное заведение. В России бы такого не было. Там – быстренько в трезвяк, да еще обдерут до нитки. Или же алкаш падает и отсыпается под ближайшим забором. А здесь они на такси разъезжают. Красота. Вот где

вся соль цивилизации.

Петр Степанович одолел двести граммов и не стал больше заказывать, побоялся. Ведь пьяного и ограбить могут. Начало новой жизни лучше как следует отметить в квартире дочери. Он вышел на улицу и вновь неспешно двинулся куда глаза глядят.

А они буквально разбегались при виде всего этого великолепия. Множество красивых машин. Толпы народу. Негры топают слева и справа, хоть желание загадывай. Красавица пятой точкой крутит, привлекая взгляд. Полицейский на перекрестке машет полосатым жезлом, разгоняя автомобильную пробку. Все чисто, подметено, нигде не валяются окурки и пустые бутылки. Люди хорошо одеты, и почти все улыбаются. Как же приятно жить в Америке!

В квартиру дочери Петр Степанович вернулся только под вечер. Голова гудела от полученных впечатлений, ноги устали от долгой ходьбы, аппетит разгулялся дикий. Специально для этой цели Горохов накупил две полные сумки продуктов. Он собирался сейчас сесть на кухне и не просто утолить голод, а до отвала наесться всяческих деликатесов и попробовать несколько сортов вин.

В супермаркете ему пришлось попотеть, объясняясь с продавцом, да и выбор там был гигантский. Но все вопросы были решены, покупки сделаны. Ноги Петра Степановича стояли на коврике, расстеленном перед дверью дочкиной квартиры.

Зять пялился в телевизор, почесывая волосатое пузо, смотрел футбол. На тестя, приехавшего из далекой России, он обращал не больше внимания, чем на насекомое, прекрасно зная, что тот ему ничего возразить не сможет. Квартира являлась его собственностью. Поэтому супруга старалась помалкивать, боясь остаться на улице. Что же тогда может предъявить старый тесть? Когда Петр Степанович вошел в квартиру, зять даже не взглянул на него.

Ученый разулся, прошел на кухню. Там он выгрузил все покупки на стол, довольно оглядел их, улыбнулся, взял в руки бутылку вина и полюбовался красочной этикеткой. Потом Горохов вооружился штопором, выдрал пробку, сделал несколько глотков прямо из бутылки и улыбнулся еще шире. В России такое возможно? Нет, ни за что. Там девственно чистый холодильник, надоевшая пустая квартира, даже воздух опостылевший. Попробуй-ка купить в той стране вина: либо подделку продадут, либо денег не хватит.

Вернулась с работы дочь, с сомнением оглядела отцовские покупки и, естественно, задала вопрос:

– Откуда это все, папа?

– Купил, доча. – Петр Степанович уже был слегка под градусом, поэтому гордо выпятил впалую старческую грудь. – Да, я все это купил. Теперь я буду жить в Америке, есть все это разнообразие и отдыхать на курортах каждый год. В Россию я возвращаться не хочу.

Дочь с сомнением оглядела поддатого отца, явно не пове-

рила ему и поинтересовалась:

– А ты обо мне подумал, папа? Куда я тебя поселю? Чем кормить буду?

Петр Степанович хитро ухмыльнулся и заявил:

– Не беспокойся, доча. Я сам о себе позабочусь. Поживу у тебя пару недель, потом мне откроют счет в банке и дадут американское гражданство. Я перееду в собственную квартиру. Тебе не придется терпеть мужа-разгильдяя. Ты сможешь его бросить.

Дочь скрестила руки на груди, прислонилась плечом к дверному косяку и проговорила:

– Ты пьян, папа. Кто даст тебе гражданство и откроет счет в банке? За какие такие особые заслуги?

– Они есть. Я американцам важный секрет продал, скоро стану богатым человеком и буду жить в Америке.

Дочь все равно не поверила. Да ученый и не старался что-либо доказывать. В голове его шумел хмель, настроение было отличнейшим, портить его скандалом не хотелось. Поэтому Петр Степанович еще немного попьянствовал и лег спать.

Зять чуть пошумел, но увидел, что тесть приволок много жратвы и выпивки, сразу же успокоился и замолчал. А дочь ушла на вторую работу. Ей надо было кормить муженька-лентяя. Что же до пьяного отца, то она решила подождать пару недель, а уж потом отправлять его обратно в Россию. Нечего ему здесь делать, пусть там доживает свои последние дни.

– Кучнее, мать вашу! – орал в мегафон майор. – Кучнее! Что вы как стельные коровы в воде барахтаетесь?! Шлепнувшись, стропы обрезал, вынырнул и погреб к лодке! Кучнее на воду падайте! Кучнее! Чем ближе шлепнетесь, тем меньше плыть!

Крики разносились далеко над водой. Свидетелями происходящего были лишь чайки да облака в небе. Наблюдая за тем, как американский морской спецназ отрабатывает десантирование на воду с малой высоты, первые тревожно горланили, крутясь поблизости, а вторые невозмутимо плыли по своей извечной дороге – за горизонт. Других очевидцев не было. Гражданских лиц разогнали катера береговой охраны.

Прыжки с парашютом на воду с небольшой высоты – это, скажем так, развлечение не для слабонервных хлюпиков. Такое занятие является одним из самых опасных даже для этих парней. Пусть вокруг не бушует конкретный ураган, а держится сравнительно тихая погода, но удовольствия в этом все равно маловато.

Почему? Да хотя бы потому, что в воде очень неудобно отцепляться от парашюта. Особенно когда он накрывает человека сверху. Такое случается частенько. Тогда бедолага барахтается среди путающихся строп и намокшей тяжелой ткани, облепившей его, пытается как можно скорее всплыть и глотнуть свежего воздуха.

Но спецназовец просто по долгу службы обязан уметь в случае привалившей нужды высаживаться на воду, в пусты-

ню, в лесистую местность, хоть вообще в снега и льды Антарктиды. Вот и ребята из этого отряда показывали отменную выучку в прыжках с парашютом в воды Мексиканского залива поблизости от Хьюстона. Они почти не обращали внимания на крики офицера, десантировались и плыли к резиновым лодкам.

Майор продолжал тревожить окрестности через мегафон: – Ронсон, я тебе на берегу все плавники с лапами отобью! Что ты ныряешь как дельфин?! Отцепился от строп, плюй на парашют и гребь к лодке! Быстрее, я сказал! Быстрее!

Спецназовцы не только прыгали сами, но и сбрасывали на воду груз – стандартные резиновые лодки с моторами, оружие, боеприпасы, а также спецсредства, приборы связи и навигации. Их задача состояла в том, чтобы приземлиться как можно кучнее, вплавь добраться до автоматически надувшихся лодок и грузовых плотиков. Затем парни должны были быстро приготовить оружие к бою и взять курс на учебную цель.

В этой роли выступало списанное грузовое судно, которое требовалось быстро захватить и насильно снять с него одного или нескольких человек, не причинив им никакого вреда в случае «перестрелки» с командой корабля. Дабы избежать возможных травм и увечий, основным оружием группы спецназа стали пули с краской, светошумовые гранаты и слезоточивый газ. Магазины автоматов были снаряжены холостыми патронами.

Группа, не жалея сил и времени, упражнялась в захвате судна. Роль команды корабля играли свои же. Время от времени ребята менялись ролями.

Новые крики разнеслись над морем:

– Эйзен, твою мать, ты не там залез! Гордон, вечером после отбоя двести отжиманий за такую стрельбу! Форбс, беги быстрее на мостик, время поджигает! Вот, молодец, так держать...

Майор, наблюдавший за тренировкой, был недоволен. Взять корабль без потерь пока никак не удавалось. Жертвы, разумеется, были только условными, но майор прекрасно понимал, что в реальной схватке они могут превратиться в самые натуральные трупы. Терять своих людей он не собирался, поэтому после каждого штурма делал разбор полетов, указывал людям на их ошибки и заставлял повторять все с самого начала.

Конечно, реальная команда корабля – это не мастера из подразделения специального назначения, которые на данный момент играют роль беспечных моряков. Вряд ли настоящий персонал грузового судна окажет нападающим такое же сопротивление, на какое способна половина тренирующегося отряда. Но майор был обязан предусмотреть все.

После очередной схватки на борту списанного корабля представители обеих сторон поднимались на ноги, считали ушибы, ссадины и цветные пятна краски на теле. Майор хмурился все больше и больше, недовольно качал головой и

грязно ругался.

Потом, после короткой паузы, он командовал своим ребятам:

– Перерыв двадцать минут, совещание, потом меняетесь ролями и все повторяете.

Спецназовцы отдыхали двадцать указанных минут, потом следовало озвучивание их промахов и недоделок. Вслед за этим половина парней грузилась в лодки. Они должны были отправиться на двадцать пять миль севернее, к берегу, доехать оттуда до аэродрома, пролететь то же расстояние на самолете и еще раз спрыгнуть на парашютах в океан. Оставшаяся половина разбредалась по кораблю и играла роль моряков.

Никто не возмущался, все прекрасно понимали, что чем больше труда будет приложено сейчас, тем легче придется потом, в реальном бою. Поэтому все происходило в молчании. О каком-либо возмущении и речи не шло. Пусть майор кричит хоть до хрипа. Он всегда такой, постоянно чем-нибудь недоволен.

В небе пронесся самолет, распухли цветки парашютов, посыпались как горох сброшенные лодки и плотики. Все повторялось. «Моряки» делали вид, что ничего такого не произошло, прохаживались по палубе корабля, едва ли не зевая со скуки. «Нападающие» десантировались в воду, избавлялись от парашютов, грузились в лодки, готовили оружие к бою, плыли к цели.

Потом начался уже сам штурм. Со всех сторон через борт судна переваливались крепкие фигуры. Атакующие вступали в схватки с экипажем. Гроыхнула граната, над палубой поднялся белесый дымок слезоточивого газа. Кто-то яростно палил из автомата холостыми патронами. Раздавались хлопki, когда шарики с краской куда-то попадали.

Майор уже устал сотрясать воздух матерщиной, поэтому молча наблюдал за штурмом, находясь на носу корабля, в безопасной зоне. Все происходящее ему ох как не нравилось. Спецназовцы двигались как сонные мухи, некоторые едва не падали.

Когда все закончилось, он подозвал к себе заместителя, шатающегося от усталости лейтенанта Ричардса, и сообщил ему:

– Завтра окончательная тренировка. Все должно пройти точно по плану – время, место, расстояние, условия боя. Парни сегодня хорошо поработали, но надо еще лучше. Третий состава постоянно выбывает из игры. Это никуда не годится! Я, конечно, понимаю, что усталость берет свое, но на спецназовца не должны влиять никакие трудности. Берите пример с упертых русских. Тем все по барабану. Они могут тренироваться сутками.

Лейтенант вытянулся и отчеканил:

– Все будет нормально, сэр!

Майор поморщился. Его заместитель выглядел слишком измотанным.

Командир махнул рукой и приказал:

– Заканчивайте тренировку, лейтенант. Отдых. Собирайте разбросанное оборудование и возвращайтесь на базу.

– Есть возвращаться на базу, сэр!

Отдохнуть группе не удалось. Едва только спецназовцы прибыли на базу и разместили снаряжение, как оказалось, что через несколько минут к ним прибывает генерал. Майор живо прервал любые проявления недовольства, построил бойцов возле казармы и приказал заткнуться. На всякий случай он пристально оглядел хмурые лица подчиненных, но не увидел ничего, кроме усталости.

Генерал прибыл на вертолете. Даже не глянув на строй, он отозвал майора в сторону.

Когда они отошли прилично, высокий гость поинтересовался:

– Как боеспособность группы, майор?

– Работаем, сэр.

Генерал оглянулся на неподвижный строй, затем повернул голову к майору и спросил:

– Твои ребята смогут высадиться в одной африканской республике и проникнуть в здание, в котором, скорее всего, окажутся люди с оружием?

Майор испытал желание почесать затылок, но вовремя одернул себя и ответил:

– Смогут, сэр. А сопротивление нам точно будет оказано, сэр?

– Я же говорю, скорее всего. Вот мне и интересно, смогут ли твои ребята захватить это здание?

– Захватим, сэр. Без проблем, сэр.

Операции на суше у его бойцов получались лучше, и майор не боялся давать такой ответ. Группа довольно неплохо сработалась за время своего существования и действовала как единый организм, практически без сбоев. Так что можно было не сомневаться в успешном захвате объекта. Пусть там сидят хоть сто боевиков – гранат побольше да слезоточивого газа! Они сами в плен сдадутся через час, даже стрелять толком не придется. Все-таки это не на воде. Вдобавок герои из африканских республик воевать толком не умеют.

Генерал немного помолчал, наблюдая за выражением лица майора, потом вытащил из внутреннего кармана диск с информацией и пояснил:

– Здесь все по предстоящей операции. За ночь тщательно все изучи, распланируй, а утром уже вылетаешь.

– Я понял, сэр. – Майор принял диск. – Вы можете сказать в двух словах, сэр, что это за объект?

– В двух словах? Ладно...

Генерал немного поразмыслил, он не собирался нагонять на командира отряда слишком уж много страха, и ответил после некоторой паузы:

– Это бывшая советская лаборатория по производству химического оружия. Там двадцать пять подземных уровней. Пять нижних были законсервированы еще в семьдесят седь-

мом году. Твоя задача, майор, захватить эту лабораторию, проверить наличие там складов химического оружия. В случае подтверждения этих данных – доложить мне, а потом удерживать объект до прибытия группы ученых. На этом все, майор. Ты все понял?

– Так точно, сэр.

Когда генерал улетел, майор долго смотрел в никуда, обдумывая полученную информацию. Бывшая советская лаборатория!.. Ох уж эти русские, опять какую-то пакость придумали и бросили. Когда же это закончится? Сколько еще таких вот сюрпризов осталось на планете? Сотня? Тысяча?

Тяжелым взглядом смерив диск, сжатый в руке, майор убрал его в карман и направился к своей группе. Ему предстояло известить парней, что мучения с захватом старого списанного корыта закончились. Впереди их ожидает кое-что покруче, причем намного. Надо за ночь отобрать самых опытных, настоящих мастеров своего дела. Отстающие в Африку не полетят. Он возьмет с собой только самых боевых.

– Построились! Те, кто не полетит – марш на хрен отсюда!

Спецназовцы, выбранные минувшей ночью, остались, а те, кому майор не доверил выполнение задания, отправились в казарму.

Слышалось ровное, спокойное дыхание этих отдохнувших могучих тренированных командос, выращенных на свежем мясе с молоком, напичканных витаминами и гормо-

нами, стимулирующими бурный рост мышц. Негромко позвякивало снаряжение. Помимо крутого бронежилета, считай – титановых доспехов, каждый нес на себе автоматическую винтовку с запасным боекомплектom, два пистолета. Кое-кто был вооружен пулеметом или снайперской винтовкой. За спинами в ранцах имелись индивидуальные пакеты и сухой паек. На поясах висели гранаты, фляги и штык-ножи. В шлемы спецназовцев вмонтированы адаптированные для ведения боя микрофоны и наушники. Командир может разговаривать с каждым по отдельности или отдавать приказы сразу всем. Никаких устаревших средств связи, как у русских.

С первого взгляда даже не заметишь, что ботинки у бойцов с противоминными прокладками, а униформа нашпигована чипами. Эти хитрые штучки засекают затаившегося врага, позволяют видеть сквозь дым и туман, дают возможность отыскать раненого и эвакуировать его. Каждый спецназовец несет на себе электронное оборудование, стоящее десятки тысяч долларов.

Все окупается тем страшным впечатлением, которое производят эти жутковатые неуязвимые боевые машины, предназначенные для убийства. Даже неустрашимые фанатики-террористы понимают, что выстоять хотя бы против одного такого парня не сможет целая группа таких вот грязных экстремистов. Лучше сразу сдаться на милость победителя и побросать автоматы.

Майор начал осмотр личного состава. Он остановился напротив правофлангового спецназовца и оглядел его с головы до ног.

Форбс родом из Миннесоты. Этот здоровенный рыжий бугаина отлично владеет обеими руками, в схватке может положить десятерых, стреляя с двух рук. Такого ухаля не стыдно отправлять на задания даже в одиночку, а не только в составе группы. Вроде и не старый еще, а уже выкрутился из огромного количества крутых переделок. Знающие люди поговаривали, что он был на задании даже в далекой заснеженной России. Там есть местность со странным названием Чечня. Форбс выжил среди этих страшных русских, выполнил задание и вернулся невредимым. В армии он уже много лет, если бы не склочный характер и не пагубная тяга к бутылке, то давно уже стал бы офицером.

Майор глянул в равнодушное лицо подчиненного и поинтересовался:

– Ты бывал в Сомали, Форбс?

– Да, сэр. Бывал, сэр.

– И как там?

– Хреново, сэр. Но все же лучше, чем в России, сэр.

Майор ухмыльнулся. Ясен перец, что в этой африканской республике не совсем комфортные условия. Но ведь туда отправляются не слабонервные хлюпики, а настоящие спецназовцы, которые за секунду все там разворотят, перестреляют всех террористов и захватят бывшую советскую лабора-

торию по производству разной химической дряни. Останется лишь дожидаться яйцеголовых умников, а потом отправляться домой, предварительно просверлив в погонах новую дырочку. Надо всего-то захватить здание, вышвырнуть оттуда толпу экстремистов, если они там будут, и обыскать двадцать пять уровней под ним. Что может быть проще?

Майор шагнул к следующему бойцу и нахмурился.

Эйзен. Эта головная боль родом из Нью-Йорка, здоровенная и наглая. Но ничего не поделаешь. Как бы хреново этот спецназовец себя ни вел, но когда дело доходит до рукопашной, ему во всей Америке нет равных, любого поломаст. Отсюда и хамское поведение. До службы в армии Эйзен якобы подрабатывал подпольными боями, не гнушался даже разбоем, но папаша-генерал недолго терпел выкрутасы своего единственного отпрыска, взял да и под конвоем пригнал его на призывной пункт. Это действие возымело результат, и теперь в группе есть непревзойденный мастер рукопашного боя. Стало быть, можно только одного Эйзена натравить на сомалийцев. Можно не сомневаться, что он с легкостью там все и всех успокоит.

– Эйзен, ты бывал в Сомали?

– Нет, сэр. – Нагловатое выражение с этой хари не сходило даже в строю. – Но обязательно там побываю, сэр.

Майор хмыкнул и заявил:

– Ясен хрен, побываешь. Иначе зачем мы туда отправляемся через два часа? Прилетим, захватим объект и будем

ждать группу ученых.

– Так точно, сэр.

Майор шагнул дальше, к третьему бойцу.

Ричардс. Полнейшая противоположность Эйзену. Родом из Канады, в жилах течет индейская кровь. Хотя бы поэтому он должен быть жестоким и буйным, однако – ни хрена. Спокойный как удав, уравновешенный, непьющий, некурящий, по службе двигается постоянно, уже стал лейтенантом, заместителем числится. Так, глядишь, и майора получит. Ко всему прочему отлично разбирается в компьютерах, может с закрытыми глазами дать фору самому крутому хакеру, да и вообще молодец во всех отношениях. Неужели среди индейцев все такие? Хм... И сравнить-то не с кем. Судя по фильмам, там вообще одни отморозки, чуть что – сразу скальп в коллекцию или в рыло томагавком. Однако же Ричардс опровергает такое мнение своим спокойствием и исполнительностью. Он даже не подрался ни разу ни с кем, хоть парни и неоднократно пытались подначить его. Чудеса!..

– А ты бывал в Сомали?

– Нет, сэр.

– Компьютер свой прихватил?

– Да, сэр.

– Покажем класс экстремистам?

– Так точно, сэр. Покажем.

Майор позволил себе улыбку, наблюдая за подтянутым заместителем. Вот такими должны быть все солдаты в амери-

канской армии. Исполнительными, дисциплинированными, уравновешенными. А на деле что? Употребляют алкоголь, курят всякую дрянь, жрут веселящие таблетки, занимаются сексом друг с другом. Полнейший разброд. Куда мир катится, скажите?

Еще совсем недавно в армии был полный порядок, с того времени и десяти лет не прошло. Потом гниение стало медленно поражать головы солдат. Проклятая вседозволенность ничего хорошего в себе не несет, да и командование сквозь пальцы глядит на таких военнослужащих. Еще пара лет, и в США уже будет не армия, а сборище алкашей, наркоманов, голубых и дебоширов.

Майор стер улыбку с лица и перешел к четвертому бойцу.

Ронсон. Ну что о нем сказать? Отлично знает подрывное дело, великолепно стреляет из всех видов оружия. Он и сейчас держит в лапах свой любимый пулемет. Еще Ронсон прекрасно чувствует себя в воде. Наверное, в прошлой жизни он был дельфином. Нет, скорее китом, судя по привычкам и замашкам. На этом все хорошее и заканчивается. Вот он, тот самый дебошир, алкоголик и наркоман. Неизвестно насчет голубизны, но в этом Ронсон, скорее всего, не замешан. Не замаран. В остальном же он просто преуспел. Если бы не его таланты, то этого парня давно уже вышвырнули бы из спецназа с треском и руганью.

– Ронсон.

– Да, сэр?

- Опять бухал вчера? Перегаром за сто метров разит.
- Это не перегар, сэр. Это свежак.
- Тьфу!

Майор сплюнул с досады и погрозил бойцу кулаком. Но командир ничего с ним поделывать не мог. Оставалось принимать подрывника таким, каков он есть. Ну да ничего, в Со-мали этому увальню пить будет нечего, поневоле начнет вести трезвый образ жизни.

Надо будет его личные вещи перед вылетом проверить, а то в прошлый раз с собой десять литров виски протащил на задание. Спьяну Ронсон чуть своих не перестрелял, когда враги закончились. Да и карманы не помешает вывернуть. Этот хитрец небось и таблетками запасся. Своего он никогда не упустит. Обязательно найдет возможность залить зенки алкоголем либо нагнать наркотических видений на свой мозг, и без того основательно проспиртованный.

Пятым в строю стоял Гарри. Вечный сержант. Родился где-то в Мексике, скорее всего от негра, так как сам явный мулат. Над ним постоянно висит угроза разжалования за всяческие мелкие грешки. Только-только повышение получит, сразу же залетает на гауптвахту, лишается присвоенного звания и сидит пару месяцев в тюрьме, пока не потребуется для выполнения очередного задания. Высокие начальники сколько раз его грубо ругали и грозили кулаками, но на Гарри ничего не действует. Он по-прежнему шкодит, наркотой торгует втихаря, за девками ухлестывает, подворовывает все,

что плохо лежит, дерется с вышестоящими офицерами и творит много чего еще.

А что ему? Гарри прекрасно знает, что настоящих снайперов днем с огнем не сыщешь, вот и наглеет. Да, стрелок он потрясающий, тут ничего против не скажешь. Может с расстояния в километр подстрелить бегущего таракана. Раз – и все! Или в полной темноте поразить движущуюся мишень.

– Гарри, ты бывал в Сомали?

– Бывал, сэр. Пять раз.

Майор заинтересовался и уточнил:

– А что ты там делал?

Спецназовец скорчил неопределенную мину на лице и ответил:

– Стрелял, сэр.

– Все пять раз?

– Четыре, сэр. На пятый раз я жениться хотел.

– И как тебе тамошние дамы?

– Так-сяк. – Рука в перчатке совершила непонятное движение и снова уцепилась за автомат. – Не понравились они мне, сэр.

– И не женился?

– Развелся, сэр. Протрезвел и опомнился.

– Ты завязывай бухать, Гарри. Не то одним прекрасным утром рядом с собой обнаружишь обезьяну.

Спецназовец неуверенно переступил с ноги на ногу и проворчал:

– Хорошо, сэр... – Но Гарри вдруг оживился: – Хотя кто знает, каково это, с обезьяной? Все же надо в жизни попробовать, один раз ведь на этом свете появляемся. Может, с макакой гораздо лучше любовь делать? По крайней мере скандалы устраивать не будет, деньги требовать. Да и шуба у нее уже есть. С рождения. Останется только блох выгнать, и все будет в полном порядке. Подманил бананом, содрал с ветки, развернул, наклонил...

Строй зашевелился, слышались смешки и весьма циничные комментарии. Майор нахмурился, и этого хватило для восстановления порядка. Никто не хотел испытывать гнев начальника, ловить новую порцию ругани.

Майор прошел к следующему бойцу.

Джонни по кличке Весельчак. Еще одна головная боль. Папаша наверняка клоуном был в далеком Сиэтле, да и мамаша тоже явно не отказывалась развлечься. Вот и получилось такое дикое сочетание, двухметровое, лысое, бородатое, облепленное мышцами, вечно находящее шанс отпустить какую-нибудь шуточку. И ведь никто ему в рожу дать не может, кроме разве что Эйзена, Гарри и еще пары ребят. Остальные же попросту его побаиваются. На то есть причина. В свободное от шуток время Джонни увлеченно тягает железо в спортзале, наращивая мышцы, и без того гигантские. Культурист хренов!..

Если бы не способность с закрытыми глазами водить любую технику, от велосипеда до космического крейсера, то и

ноги этого клоуна в отряде не было бы. А так – вот он. Приходится его терпеть. Тем более что супруга Джонни не абы кто, а дочка одного всевластного генерала, который свое чадо на руках носит и все капризы исполняет. Чуть что – за просто можно распрощаться с карьерой.

– Джонни, ты бывал в Сомали?

– Где я только не был, сэр!

– Ты нормально можешь ответить?

– Отвечаю нормально, сэр. – Шутник наигранно вытянулся во весь свой немалый рост, даже на роже серьезность и преданность изобразил. – В Сомали я был, сэр.

– А что ты там делал?

– Был свидетелем на свадьбе Гарри, сэр.

Майор оглянулся на помянутого субъекта и увидел, что тот совершенно спокоен. Значит, Джонни действительно не врет. Иначе началась бы словесная перепалка с использованием неформальной лексики. Гарри за словом в карман не полезет и не боится никого. Вполне может и генерала атаковать, если тот его оскорбит.

Майор повернулся к Джонни и осведомился:

– А куда ты смотрел, когда Гарри женился на девушке, которая ему совсем не нравилась? Почему не предупредил товарища?

– Он слушать ничего не хотел, сэр. Был очень сильно пьян и отбивался от меня кувшином. Кричал, что красивее его дамы на свете просто никого быть не может. Мне пришлось

с ним согласиться и оставить попытки повлиять на него словесно.

Майор кашлянул, еще раз посмотрел на снайпера и дебошира, а потом выразил свое мнение:

– Хорош друг!..

Он шагнул к следующему бойцу.

Гордон. Самый щуплый и низкорослый из всех спецназовцев, чуть-чуть смахивающий на китайца. Скорее всего, так оно и есть. Он наверняка родился в тех краях, к тому же здорово разбирался во всяких там китайско-японских единоборствах.

Подумаешь, гражданин Америки! Сейчас это звание, когда-то самое престижное в мире, даже русские получают. Это говорит о том, что человеку не обязательно появляться на свет именно в Штатах. Вот и Гордон китаец.

А хотя бы и так, что с того? Парень отлично дерется и неплохо разбирается в электронике. Может с закрытыми глазами разобрать компьютер на винтики и проводки, а после этого так же быстро вернуть все это на прежние места и спаять. Во взломе электронных замков ему равных нет.

Единственный минус этого спецназовца – крайне вспыльчив. На днях опять подрался. Избил в кровь настоящего громилу и переломал ему, наверное, все кости. Если бы не задание, то сидеть бы Гордону несколько месяцев в камере.

Майор строго глянул на подчиненного и спросил:

– Зачем человека избил? Для чего надо было ломать ему

руки и ноги? Что он тебе такого сделал?

Спецназовец мгновенно возмутился:

– Как это что, сэр?! Он сказал, что я дерьмо!

– Из-за этого стоило вышибать ему мозги и ломать конечности?

Гордон удивился и спросил:

– А что, надо было сказать, что он тоже дерьмо?

Майор не сдержался и топнул ногой.

– Да хотя бы и так, черт возьми!

– Вы же знаете, сэр, это не в моих правилах.

– Но он вдвое больше тебя и вчетверо сильнее!

Спецназовец напыжился, казалось, даже засветился от гордости.

– Ну и кто кому вышиб мозги?

Майор не удержался от улыбки и похвалил бойца:

– Молодец.

Восьмым стоял Мак, он же просто Химик. Товарищи никогда не звали его по имени. В ходу была только кличка, но всех это устраивало. Тем более что такое прозвище просто так не дают. Мак действительно являлся химиком от бога. По этой части он знал абсолютно все, в особенности – боевые отравляющие вещества, самые разные лекарства и, к сожалению, наркотические соединения.

Из-за них Химик постоянно попадал в неприятные ситуации. Чего уж скрывать, порой он только чудом избегал обвинения в производстве и распространении наркотиков. Ес-

ли бы не служба в армии, то сидеть бы ему лет четыреста или даже отправляться на электрический стул. Это смотря в каком штате...

В предстоящей операции Химик являлся просто незамеченным человеком. Ведь спецназовцам придется уже совсем скоро столкнуться с изобретениями русских умников, а те ничего, кроме химического оружия, вроде бы и не выдумывали. Зато его они производили в гигантском количестве, с этим не поспоришь.

Майор строго глянул на спецназовца и предупредил:

– Ронсону ничего не давай. Ни спирта, ни наркоты, ни даже простейших таблеток. Ну его, придурка! Он должен быть трезвым и вменяемым. Понял меня?

– Так точно, сэр. Я понял, сэр.

– Три шкуры сдеру, Химик, если Ронсон опять чудить начнет. Пулемет становится очень даже опасной штукой, если на гашетку давит обдолбанный Ронсон. В прошлый раз он чуть половину группы на небеса не отправил.

Спецназовец сразу же возмутился:

– Это несправедливо, сэр! Он может и в другом месте поискать! Вы же прекрасно знаете, что этот гад мгновенно находит спиртное и наркоту, даже если торчит посреди безлюдной пустыни.

Майор погрозил кулаком.

– Вещи я его проверю, с собой он ничего не провезет. Но и ты, Мак, помни о моем предупреждении. Если увижу Рон-

сона пьяным или же конкретно одурманенным, спрошу с тебя. Понял?

Химик погрузтел, плечи его обвисли.

– Понял, сэр.

Майор шагнул к девятому бойцу.

Черный Джимми. Единственный афроамериканец в группе. Свое настоящее имя он никому так и не сказал, мол, оно сложное и труднопроизносимое, и все довольствовались только кличкой. Этот спецназовец, как и предыдущий, по поводу прозвища тоже не возражал. Он был просто Черным Джимми, зато каким! Гора мышц, громадные кулаки, вышеченный, абсолютно спокойный в мирных условиях. В боевых же...

Его потому и прозвали Черным, что он превращался в натурального маньяка и противнику вообще не давал никакого спуска. Ходили слухи, что во время операции в Анголе Джимми настолько озверел, что собственноручно отправил на небеса около сотни человек. Он прокрался в стан врага и, как сказали бы поэты, начал сеять смерть направо и налево. Что за дела?

– Что за дела, Джимми? – майор указал пальцем на небольшой топорик, торчащий на поясе бойца среди гранат, ножей и прочего. – Опять зверствовать собрался?

– Обычай, сэр.

– Джимми, ты же не у себя в джунглях. Ты в Америке живешь, понимаешь? В Америке! Тут не отрубают головы

противнику, не сдирают с него скальп, не съедают печенку и не пьют свежую кровь. На дворе третье тысячелетие, у нас имеется первоклассное стрелковое оружие, а ты с топором!..

Спецназовец уперся, невозмутимо поглядел на майора и пробубнил:

– Обычай, сэр.

– Джимми, ну разве можно рубить головы поверженным врагам? Для этого тюрьмы есть, военный трибунал и прочие характерные ведомства. Времена дикарей давно прошли, Джимми, наступила светлая эра человеколюбия и снисхождения. А ты вооружился топором. Разве это дело?

– Обычай, сэр.

– Тьфу!

Майор махнул рукой. Этого негра ни в какую не переубедить, хоть неделю ему доказывай. Уперся рогом, вооружился топором, и плевать ему на то, что живет в самой богатой и культурной стране на свете. В тупой голове грохочут большие барабаны, видятся непристойные танцы у костра, поедаются еще живые враги. Руки того и гляди выхватят гребаный топор, и начнется мясорубка. Ему ведь не докажешь ни хрена! Будет стоять и твердить про кровавый обычай, некий ритуал, исполняемый еще далекими предками и мало чем отличающийся от действий горилл или тигров с пантерами. Те тоже живьем хавают всех, кого поймают. Да, дела...

Десятым был Харви. Он появился на свет где-то во Флориде, и вот уже тридцать лет ничего хорошего от этого никто

не видал. Драки, дебоши, самовольные отлучки с территории базы, многочисленные интрижки с бабами всех возрастов, прочий беспредел.

Однако Харви знал великое множество языков и наречий, и в предстоящей операции без этого разгильдяя вообще нельзя было обойтись. Если бы спецназовцы отправлялись куда-нибудь в нормальную страну, то еще можно было бы посадить Харви под арест за вчерашний самоход. Но судьба гонит их в Сомали – название-то какое! В тех краях без переводчика никак не обойтись. Поди разбери этих сомалийцев с их загадочным языком.

– Харви, ты в Сомали бывал?

– Да, сэр.

– Тоже жениться хотел?

– Нет, сэр. Мне это без надобности, сэр.

– В смысле?

– Они и без свадьбы дают, сэр. Не вижу причин обременять себя узами брака.

– Хамло. У человека должна быть жена, дети и прочая живность. А ты до самой старости по юбкам пробегаешь и кому потом будешь нужен?

Сзади донеслось:

– У него детей в каждом городе с десятков, сэр. Что примечательно, все до единого имеют такой же нос.

Майор повернулся. Джонни Весельчак сразу же вытянулся, словно и не говорил ничего.

– Пятьдесят отжиманий!

– Есть, сэр.

Майор проследил, как нашкодивший спецназовец начал выполнять приказ, и опять глянул на невозмутимого Харви. У того действительно был выдающийся нос, здоровенный, чуть с горбинкой, весь переломанный в многочисленных драках.

Однако же это украшение не отпугивало дамочек от спецназовца. Наоборот, они как мухи на мед слетались. Или пчелы? Хм... Итог один – из увольнительных Харви всегда возвращался изрядно истощенным. Из его карманов вызывающе торчали трофеи – разноцветные женские трусики. Если группа вылетала на задание, то провожать этого спецназовца сбегалась чуть ли не сотня дамочек. Они махали платочками, посылали воздушные поцелуи и не догадывались, что Харви по прибытии в другое место сразу же заведет себе еще сотню любовниц. С этим делом у него не было никаких проблем. Он найдет общий язык даже с японкой или жительницей еще каких-нибудь островов в Тихом океане. Наверное, все-таки хорошо знать много языков.

– Харви, когда прибудем в Сомали, я тебя на поводок посажу. Понял?

– За что, сэр?

– За вероятные самовольные отлучки на случку.

Харви скис.

Майор понаблюдал за Весельчаком Джонни, все еще от-

жимавшимся, дождался, когда тот завершит этот увлекательный процесс, и подошел к одиннадцатому бойцу.

Джексон. Добрый вояка, старой закалки. Из Хьюстона, кстати. Полностью соответствует всем служебным требованиям, но когда выходит за ворота части, то все остальные, вместе взятые, меркнут по сравнению с ним. Настоящий демон. Нет такого греха, который он еще не совершил. Джексон наверняка уже объехал всю планету. Везде, где побывал, он отметился в полицейских участках как злостный нарушитель общественного порядка.

Ну и пусть. В конце концов, каждый живет так, как хочет. Лишь бы на службе прилично себя вел, а в быту пусть творит все, что ему вздумается. Тем более что стреляет отлично. Вынослив как робот. Исполнителен. Всегда гладко выбрит. Без перегара. Нет такого парня, который бросит гранату дальше него. В общем, таких людей уже почти не осталось, вымирают полегоньку.

— Как настроение, Джексон?

— Хреново, сэр.

Майор удивился. Сколько он себя помнил, этот спецназовец всегда отвечал, что все отлично. У него и в самом деле все и всегда было хорошо. О том, чтобы употребить такое словечко в присутствии командира, и речи не шло. А сейчас...

— С чего это?

— Не нравится мне эта лаборатория в Сомали. Русские ни-

когда не делают только половину дела. Если там что-то спря-
тано, значит, так и должно быть. Сунемся мы туда, они ми-
гом свой отмороженный спецназ пришлют.

– Брось, Джексон. Что нам их спецназ? – попробовал май-
ор приободрить бойца. – У них ни оружия толкового, ни
спецсредств нормальных, да и воевать они толком не умеют.
Разве что выносливые и упертые, но больше ничего.

Джексон явно не разделял такого настроения.

– Ну да, не умеют воевать, как же! Татарам задницу на-
драли, немцев нагнули с десятков раз, полякам рожу чисти-
ли, французов до сих пор трясет от страха, финнов вообще
чуть не вырезали, да и всю Чечню как танком проутюжили.
Больше скажу, сэр. Турция практически четыре последних
века страдает. От былой Османской империи остались толь-
ко несколько дешевых курортов да плантации по выращи-
ванию помидор. Японцы тоже по харе получали, кстати, не
единожды, и без всяких там атомных бомб.

– Все будет нормально, Джексон, не переживай. Русские
подвиги остались в далеком прошлом. Их руководство раз-
валило страну, спились все, с голоду мрут постоянно. Мы
легко справимся с их спецназом. Брось эти пораженческие
настроения. Все будет хорошо.

– Время покажет, сэр.

Майор хотел было шагнуть дальше, но потом кое-что при-
помнил и спросил:

– Джексон, а кто такие эти татары? Где они вообще нахо-

дятся? В Африке?

– Нет, сэр. Рядом с русскими. Вернее, раньше находились, во время своего могущества, когда всю Европу трясли. Но потом русским надоели их набеги. Они взяли в руки дубины и вдребезги расколотили татар. От некогда могучего государства не осталось ровным счетом ничего.

Майор озадачился и спросил:

– Откуда ты все это знаешь, Джексон? Ты что, в России бывал?

– Я там учился, сэр.

– А Москва – большой город?

– Очень.

– Больше Нью-Йорка?

– Больше, сэр.

– Быть такого не может.

– Может, сэр.

Майор пожал плечами, но спорить не стал. В случае чего и в Интернете посмотреть можно. Ему совсем не хотелось выглядеть дураком после таких вот дискуссий.

Он шагнул дальше. К двенадцатому.

Элмер. Везунчик. Или, как его еще называют, кореш самого бога войны. Он из Сан-Франциско. Папаша владеет большими деньгами, чуть ли не полгорода скупил, а отпрыск от всего отказался. Дескать, не хочу в роскоши прозябать и от скуки чахнуть, желаю сам всего достичь. Он ушел в армию. Начинал простым рядовым, никаких поблажек не

принимал, дослужился до капрала своими силами. Упорный, как грузовик.

Но главное в нем совсем не это. Куда бы ни забросила судьба этого спецназовца, он везде выходил целым даже из самых крутых перестрелок. Всю группу раздолбают в прах и пух, подстерегут и ударят из засады, а Элмеру хоть бы хны! Отходит, маневрирует, прячется, путает следы и через некоторое время выбирается к своим. Соберет жетоны павших и уносит ноги.

Один раз, правда, его подстрелили в Мозамбике, но ту рану Элмер старался не афишировать. Ведь пуля-дура угодила ему в филейную, заднюю часть. Больше он, кажется, не имел никаких ранений.

Вот и выходит, что Элмер является редким везунчиком. Он побывал в огромном количестве переделок, от пьяной перестрелки в баре до массовой атаки силами чуть ли не целого полка, и до сих пор жив. Так-то вот!

– Элмер, ты в Сомали бывал?

Спецназовец кивнул и ответил:

– Да, сэр.

– Опять, наверное, весь отряд положили, а ты один уцелел?

– Нет, сэр. Я был в Сомали с культурными целями. Отдыхал.

Майор удивился.

– Там что, курорты есть?

– Не знаю, сэр. Я охотился на львов.

– И как, подстрелил?

– Трех.

– Молодец. – Майор оглядел экипировку этого спецназовца, заметил сверх всего, что положено по штату, гранатомет револьверного типа и, естественно, поинтересовался:

– Для чего тебе эта базука, Элмер?

Тот пожал плечами.

– Привычка, сэр. Гранатомет очень удобен при подавлении превосходящих сил противника.

– Смотри, своих не зацепи, когда стрелять начнешь.

– Хорошо, сэр. Я буду очень внимателен.

Майор улыбнулся. Вот еще один примерный солдат. Не пьет, не колетя, не курит. Замечаний вообще никаких не имеет. И чего, спрашивается, уехал из родимого дома? Жил бы сейчас в крутом особняке, жену бы заимел, детишек, в высшем обществе каждый вечер появлялся бы. Нет же, он ушел служить в армию.

А может, оно и к лучшему? С таким фартом и здесь прожить можно неплохо. Такого парня все равно никто и никогда не подстрелит. Пройдет лет этак десять-двадцать, и Элмер наверняка дослужится до генерала. Что ему отцовы богатства? Он и сам заработает. Голова вроде на плечах правильно прикручена. Элмер имеет множество талантов, выгодно отличается от всяких алкашей и наркоманов. Молодец.

Тринадцатым стоял тоже неплохой солдат. Кристофер, просто Крис до службы в армии пас коров где-то в глуши Невады, работал на ферме, по воскресеньям в церковь ходил, по будням в салуне выпивал, дрался с задирами, стрелял из револьверов в обидчиков на главной улице своего маленького городка.

Никто не видел в этом деревенском здоровяке настоящего солдата. Так он и жил бы, но одним весенним утром Кристоферу все надоело. Он вышел на порог, сплюнул и махнул рукой. Мол, поеду я к людям. Мир хочу посмотреть. Себя показать. Попытаюсь подбить клинья к губастой красотке Анжелине Джоли. А как еще выбраться из этой провинциальной серости и скуки? Естественно, у парня имелась единственная возможность это сделать – пойти на призывной пункт.

Короче говоря, Кристофера призвали. Он немного послужил, и выяснилось, что в этом здоровенном деревенском увальне сидит волевой и целеустремленный человек. Командиры заинтересовались, провели тестирование, малость подучили парня. Через некоторое время Кристофер уже всюду громил террористов по всей Африке и Южной Америке. Что примечательно, он не успокаивался, пока задание не будет выполнено. Пусть хоть насквозь десять раз его прострелят, но боец все равно доползет и перегрызет глотку самому главному подонку. Так случалось всегда.

Майор пробежался взглядом по безмятежной веснушчатой физиономии, оценил размах плеч, оглядел бойца с ног

до головы и только потом задал привычный уже вопрос:

– В Сомали бывал?

– Да, сэр. Два раза.

– Отдыхал?

– Нет, сэр. Воевал.

– Молодец.

Сзади опять донеслось:

– Он без войны жить не может, сэр. Боится, что снова придется возвращаться к своим коровам, вот и ищет возможность оттянуть этот неприятный момент.

Майор мгновенно развернулся.

– Весельчак, мать твою, ты уже всех достал! Сто отжиманий!

– Есть, сэр.

Кристофер спокойно отреагировал на такую реплику Джонни. Ну, еще бы! Пусть хоть каждый день шуточки будут сыпаться. Плевать на них. Но вот если командование прикажет набить Весельчаку рожу, то этого балагура спасет только экстренный отлет на Луну. Целеустремленный и исполнительный Кристофер костями ляжет, но рожу все-таки набьет. А так пусть себе зубоскалят. На свете полно всяческих придурков. Неужели каждого избивать? Если так, то на террористов совсем времени не останется. Уж лучше гвоздить их.

Весельчак закончил отжимания и поднялся на ноги. Он пыхтел и утирал пот, выступивший на лысине. Майор сверлил его взглядом, ждал малейшего повода для назначения

уже двухсот отжиманий, но не обнаружил такового. Он перешел к четырнадцатому бойцу, сделав зарубку в памяти дожать все-таки балагура до стонов о пощаде. Пусть Весельчак и тягает в спортзале железо, но тысячу отжиманий при полной выкладке даже робот не выдержит. Факт.

Четырнадцатым в строю стоял Бруно. Этот здоровенный волосатый итальянец несколько лет назад получил американское гражданство, но так и не избавился от своего кошмарного акцента. Он полностью соответствовал представлению майора о вспыльчивости обитателей полуострова, похожего на сапог. Чуть что, лучше сразу втыкать в уши ватные тампоны. Если Бруно задела и разозлили, то сокрушаться и очень громко орать матом он будет до самого отбоя. Вдобавок этот горячий парень еще и попытается зарезать обидчика. Дескать, кровная вражда, в натуре, сейчас кишки выпущу!..

Такого горлопана давненько уже выгнали бы из спецназа, но ему нет равных во владении холодным оружием. Своими кинжалами и метательными ножами итальянец запросто может вырезать взвод противника. Последнего он возьмет живым, привяжет к дереву и снимет с него кожу, распевая при этом кровавом действе веселую песенку на родном языке. Настоящий зверюга как по повадкам, так и по обилию шерсти. На утреннюю зарядку он выходит одетым, хотя все спецназовцы обязаны снимать футболки по утрам. Да, Бруно настолько зарос, что и кожи вовсе не видеть. Разве что

на ладонях рук да на щеках, когда он побреет свою наглую вспыльчивую харю.

Майор указал на щетину спецназовца и полюбопытствовал:

– Депиляцию сделать не пробовал, Бруно?

– Ой, командир, все пробовал, ничего не помогает. Растет с каждой минутой.

– В зоопарк тебе надо, Бруно. Рядом с гориллами сидеть будешь, и хрен кто тебя от них отличит.

Спецназовец заворочался, мгновенно надулся.

– Командир, за что обижаешь?! Что я тебе сделал? Почему ты меня гориллой обозвал, а?!

Майор поморщился и попробовал пресечь зарождающиеся крики и причитания:

– Спокойнее, Бруно. Я нечаянно.

Вроде удалось. Темпераментный спецназовец примолк, лишь сердито смотрел. Но и то хорошо.

Майор указал на здоровенный нож-мачете, который очень уж выделялся среди вооружения итальянца. Натуральный двуручный меч.

– Бруно, тебя разве не предупреждали, что холодное оружие достается из сумки непосредственно после десантирования на вражеской территории?

Спецназовец переступил с ноги на ногу, почесал подбородок, заросший щетиной, и хмуро проговорил:

– Эти консультанты и военные советники самые умные,

да? Зачем мне таскать кинжал в сумке? Он должен висеть на поясе. Из ножен выхватил и – вжик-вжик! Зачем его в сумке искать, когда из ветролета выскочу? Там времени на это нет.

Майор поправил солдата:

– Не ветролет, Бруно, а вертолет.

Но итальянец стоял на своем:

– Ой, командир, какая разница, а? Он же по ветру летает, значит, ветролет.

– Тьфу!

Майор собрался было шагнуть к последнему, пятнадцатому бойцу, но итальянец начал возмущаться, видимо, приняв плевков на свой счет:

– Командир, зачем плюешься?! Что я тебе сделал, командир? Почему ты меня за человека не считаешь!? Я же тебе не враг, а спецназовец!

Майор смерил итальянца суровым взглядом и решил немного приструнить его, раз слов не понимает:

– Отставить разговоры!

– Ой, командир, я же говорить хотел...

– Пятьдесят отжиманий!

– Ой, командир...

Майор перешел на крик:

– Сто отжиманий!

– Ой...

Бруно наконец-то заткнулся, понял, что так скоро и до тысячи дело дойдет. Он сгрузил все свое оружие на асфальт и

принялся отжиматься, что-то неразборчиво ворча под нос.

Майор облегченно вздохнул и заявил:

– Вслух считай, Бруно.

Было крайне забавно наблюдать за темпераментным заросшим итальянцем, отжимающимся и считающим со все тем же жутким акцентом. Ну да ничего, впредь спокойнее будет, а то, понимаешь, с начальством пререкаться вздумал.

У русских с этим делом попроще. Как командир сказал, так оно и должно быть. Круглое таскать. Квадратное катать. И никаких вопросов. А здесь!.. Один шуточки отпускает, другой про свои дикарские обычаи талдычит, вооружившись топором, третий даже сейчас под градусом, пятый и вовсе пререкаться вздумал. Бардак. Куда мир катится? В какую такую бездну?

Майор хмыкнул и подошел к пятнадцатому бойцу, последнему в строю. Вернее, последней. Единственной женщине в группе.

Виктория. Светловолосая девушка. Этого «солдата Джейн» командование навязало майору три месяца назад. Родилась она в штате Мэн двадцать пять лет назад. Больше майор ничего о ней не знал, но догадывался, что в молодые годы девчонка явно смотрела знаменитый фильм с участием Деми Мур. Иначе с какого перепуга эта особа вознамерилась попасть именно в спецназ?

Чертова эмансипация! Бабы уже в спецназе! Только тут их еще не было! Докатились!..

Майор посмотрел этот самый фильм для прояснения ситуации и поначалу хотел было из нее дух вышибить. В итоге девка выдержала все придирки и нагрузки, а коллеги майора начали хихикать по этому поводу. Вот, мол, в Голливуде знали, что надо снимать. За основу фильма взят реальный случай из будущего. Бравый майор спецназа явно неровно дышит к Виктории, даже изнасиловать ее намеревался по пьяному делу.

Майор встряхнулся и прогнал из памяти тот неудачный день. Дама оказалась с характером, чуть кастратом его не сделала. У нее в трусах был спрятан нож.

С тех пор майор охладел к этой девушке и даже не особо придирался к ней. Он прекрасно знал, что из этого ничего хорошего не выйдет. Да, баба, и что теперь? От безвыходности напиться и застрелиться в своем кабинете? Пусть служит, хрен с ней. Главное, чтобы коллеги шептаться и хихикать перестали, уроды.

Было, кстати, еще несколько попыток соблазнить ее. Бравые спецназовцы пытались это сделать, но Виктория оказалась из стали. Никому не уступила. Харви, помнится, подкатил с развязной ухмылочкой. Насчет соблазнения противоположного пола он был общепризнанным мастером, но так с той же ухмылкой и очнулся в госпитале. Весельчак Джонни пробовал, потом две недели хромал и выл по вечерам, получив ощутимый удар по самому ценному органу. Черный Джимми предлагал Виктории уехать в сельву и жить там, ха-

вать бананы и плясать у костра под барабаны. После ее ответа он впал в шок и целую неделю ходил молча.

В общем, амазонка та еще, никому ничего не позволила, и совершенно непонятно, по какой причине. Либо фригидная, как снеговик, либо очень четко разделяет службу и удовольствия. В увольнительных она, может, и дает волю чувствам, но вот на службе – ни-ни. Да и пьяной, хочется подметить, Виктория ни разу замечена не была.

Майор не зачислил бы ее в группу, вылетающую в Сомали, но тут в дело влезло начальство. Не ущемляй, дескать, майор, права женщин в американских вооруженных силах. Вот и пришлось зачислить.

– Ты в Сомали была?

– Нет, сэр.

– Может, откажешься? Что тебе там делать? Кругом крокодилы всякие, похотливые исламисты, арабы. Попадешь в чей-нибудь гарем и будешь страдать. Нельзя женщинам бывать в тех краях, особенно таким красивым. Ты все та-мошнее население взбаламутишь своим присутствием. Откажись, пока еще есть время.

– Нет, сэр. – Виктория отрицательно покачала светловолосой головой и твердо заявила: – Не откажусь, сэр.

– Смотри, дело твое. Уговаривать больше не буду.

Майор вышел на середину, встал перед строем, хмуро оглядел пятнадцать человек, дождался, пока Бруно закончит отжимания, потом начал ободряющую речь:

– Короче, так, засранцы! Наша великая страна поставила перед нами задачу – вылететь в Сомали, захватить там бывшую советскую лабораторию по производству химического оружия, обыскать ее и удерживать до прибытия ученых, если там что-то интересное имеется. Вполне вероятно, что мы встретим вооруженное сопротивление, но не мне вам объяснять, что надо делать с грязными аборигенами, которые вздумали препятствовать американскому морскому спецназу. Порвать их к чертям, и все дела. – Майор малость помолчал, наблюдая за подчиненными, и продолжил, демонстративно глядя на Джексона: – Возможно и такое, что русские вышлют свой спецназ. Но я вам так скажу – мы круче всех, и нам не страшен даже сам дьявол. Порвем и русских. Им нечего даже пытаться перехватить у нас лабораторию. Я все сказал.

Спецназовцы дружно повернулись налево и молча двинулись к транспортному самолету, ожидавшему их. Майор поднял с асфальта свою экипировку и зашагал следом, даже не подозревая о грядущих трудностях.

Высадка прошла как по маслу. Вся группа приземлилась кучно, недалеко от двух бронетранспортеров, сброшенных вместе с ними. Даже дополнительное снаряжение никуда ветром не унесло. Хотя какой тут ветер? Пекло, пыль, раскаленное тоскливое солнце, след самолета в голубом небе. Повсюду сухая трава, ни единого деревца, лишь местами чахлые кустарники. После цивилизации и всех благ про-

гресса прокаленная солнцем, пустынная и засушливая местность казалась бойцам фантастической. Они словно попали на другую планету.

Спецназовцы друженько подготовились к бою, собрали парашюты, залезли на машины, связались со спутником, определились с направлением движения. Уже через несколько минут они были готовы отразить атаку целой толпы врагов. Взревели мощные двигатели, и бронетранспортеры дружно рванули к цели, которая находилась в десяти милях к северо-востоку от места высадки. Теперь этих бойцов не мог остановить ни один гад. Спецназовцы стремились к цели и готовы были сделать абсолютно все, чтобы выполнить поставленную задачу.

Майор сидел на броне передней машины, подставлял лицо жаркому ветерку и от всей души гордился слаженными действиями своих парней. Кто еще так сможет? Да никто! Ни один спецназ мира не управится со всем этим за такое короткое время! Не зря, выходит, он каждый день гонял парней на тренировках, заставлял их действовать дружно и оперативно. Ой как не зря.

В Сомали полетели только самые лучшие. Этот факт вселял надежду на то, что вся операция пройдет без потерь и ненужной возни с обнаглевшими фанатиками-террористами. Приехали, вышибли всех недовольных из лаборатории, обыскали, вызвали ученых, дождались их прибытия и вернулись домой. В полном составе.

Черный Джимми, сидевший рядом с командиром, улыбался во всю свою харю. Ну, еще бы – почитай родина! Где-то тут располагаются джунгли, в коих грохочут большие барабаны, а его соплеменники танцуют возле костра, накушавшись мухоморов. С другой стороны от майора восседал дремлющий Весельчак Джонни. Он все никак не мог отойти от пяти сотен отжиманий, которые совершил-таки во время полета. Это наказание явно пошло ему на пользу. Весельчак вот уже целый час молчал и не хохмил. Позади командира торчал Гарри. Он уже деловито оглядывал горизонт через оптический прицел своей снайперской винтовки, наверняка выискивал цель. Его хлебом не корми, дай кого-нибудь подстрелить.

Майор закурил и широко улыбнулся. Исламистам пришел полный трындец. Осталось совсем чуть-чуть. Схемы захвата зданий отработаны уже давно. Пусть хоть небоскреб придется брать, все равно это по времени даже часа не займет. Снайперы подавят чахлые огневые точки, гранатометчики вышибут двери. Потом ребята все там прожарят кинжальным огнем автоматов и пулеметов. В финале вспыльчивый Бруно вместе с Черным Джимми зачистят остатки бандитского формирования, один с топором, другой с кинжалом. А может, делать этого и не придется. Фанатики струсят, бросят автоматы и, марая штаны, убегут за горизонт.

Ричардс, сидевший в недрах бронетранспортера, прервал радужные мечты майора.

Он дотронулся до его колена, указал на экран своего ноутбука и доложил:

– Спутник засек движение двух танков около цели, сэр! Устаревшие модели на дизельном ходу.

Майор несколько раз моргнул и ошалело переспросил:

– Танки? Откуда?

Заместитель пожал плечами.

– Не знаю, сэр. Скорее всего остались от русских. Еще с тех времен.

– Откуда у фанатиков русские танки?!

Ответа майор так и не получил. Впереди раскатисто громынуло два раза. Через мгновение справа и слева от бронетранспортеров взметнулись солидные фонтаны, состоящие из песка и травы.

Майор крепче вцепился в поручни и заорал по внутренней связи:

– Водители! Маневрируйте, крутитесь, не то нас здесь сейчас и похоронят!

Начинались боевые действия. Генерал явно не выдал всей информации, зараза, утаил про танки. Может, он и сам о них не знал, но это уже ничего толком не решало. Группа должна была выполнить поставленную задачу любой ценой.

Через минуту показалось приземистое здание лаборатории. По обеим его сторонам стояли два потрепанных древних танка. Монстры вертели башнями. Наводчики пытались прицелиться по резво маневрирующим бронетранспор-

терам, но явно не успевали. Тогда танкисты начали палить наугад, пытаясь хотя бы случайно задеть бронетранспортеры.

Спецназовцы дружно попрыгали с брони. Гранатометчики открыли огонь по танкам. Местность тряслась от взрывов, криков и выстрелов. Постепенно все кругом затягивало дымом.

– Сэр, танки уничтожены! – Ричардса, похоже, малость контузило, он кричал очень громко, хотя был на расстоянии двух метров от командира.

– Да вижу я, не слепой. – Майор приподнялся.

Он лежал в свежей воронке, совершенно справедливо полагая, что снаряд в одно и то же место дважды не падает.

Командир спросил в микрофон:

– Все целы?

Оказалось, что потерь нет. При перестрелке никого серьезно не задело. Да и бронетранспортеры не пострадали. Они по-прежнему маневрировали в отдалении. Главное выполнено. Танки были разорваны как бумажные, пусть бойцам и пришлось малость повозиться с их древней броней. Оба монстра дымили, догорая. Рядом с ними валялись подстреленные танкисты, которые рискнули выбраться из подбитых машин и попали под огонь спецназовцев.

– Оправиться и привести себя в порядок! Подготовиться к захвату лаборатории – Майор немного пришел в себя и привычно начал отдавать приказы своим парням. – Через

пять минут начинаем. Ронсон, готовь взрывчатки побольше! Вломим этим гадам по самые помидоры!

– Есть, сэр!

Из лаборатории выбрался полупьяный или же обкуренный исламист, оглядел поле боя расширенными глазами. Почесав в затылке, он обернулся ко входу в здание, что-то горланно прокричал и сразу же смылся.

Майор раздумал стрелять, опустил автомат и обратился к переводчику:

– Харви, переведи, что этот обдолбанный кретин только что кричал.

Тот подошел и неуверенно ответил:

– Я не совсем точно понял, сэр. С кушитскими языками у меня слабовато. Но что-то вроде: «Эй, братья, выходи отстреливаться. Эти грязные янки смогли уничтожить наши танки».

Майор с тревогой посмотрел на лабораторию и уточнил:

– Ты уверен, Харви, что он кричал именно это?

– На восемьдесят процентов, сэр.

Майор оглядел своих бойцов, попробовал улыбнуться, но у него вышел лишь какой-то злобный оскал.

Он отдал приказ:

– Парни, приготовиться к бою. Сейчас выбежит толпа фанатиков. Надо будет быстренько ее перестрелять.

Спецназовцы залегли и ошетинились оружием, готовые к бою. Бронетранспортеры подкатили к группе и создали сво-

ими корпусами укрытие. Водители развернули тяжелые пулеметы и тоже устремили взгляды на темнеющий проем входа.

Спустя несколько минут из недр бывшей лаборатории доносился дружный многоголосый рев, и начался форменный ад.

Майор построил своих спецназовцев, пользуясь корпусом подбитого бронетранспортера как укрытием от пуль исламистов, если они вздумают возобновить стрельбу. Он ходил туда-сюда, нервничая и ощущая себя не в своей тарелке. Ну еще бы! На тренировочной базе в Хьюстоне ему казалось, что эта операция не займет и нескольких часов. На самом же деле его людям здесь пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением грязных фанатиков-исламистов, которые упорно отстреливались и ни в какую не хотели оставлять лабораторию. И ни хрена их там не кучка! В укрытии, скорее всего, сидит целая толпа, вооруженная до зубов.

– Виктория, сместись чуть ближе к Эйзену.

– Зачем, сэр?

– Ясен перец, что не для объятий. Просто тебя могут подстрелить.

– Хорошо, сэр.

Один бронетранспортер был раскурочен частыми попаданиями ракет. Второму разворотило весь правый бок, и водитель теперь подставлял противнику другой. У двоих спецназовцев имелись огнестрельные ранения. Еще одному, Кристоферу, чуть задницу не припало, когда он попробовал

все-таки проникнуть в лабораторию и уже подобрался к самому входу. Шарахнуло так, что остальные спецназовцы даже не пытались повторить такой подвиг. Они палили по окнам и двери, но близко подходить не решались. А исламисты обнаглели, иначе и не сказать. Они пробовали даже контратаку устроить. Правда, хрен что у них получилось, но все равно это настораживало. Как бы навеки тут не остаться! Подстрелят ведь запросто и даже фамилию не спросят.

– Ронсон, потом покуришь. Не время.

– А почему сразу Ронсон? Я же не марихуану курить собрался, сэр. Обычный табак.

– Рот закрой. Понял?

– Понял, сэр.

Первоклассное стрелковое оружие никакой решающей роли здесь не играло. Надземная часть лаборатории запросто выдерживала попадания снарядов крупного калибра, реактивных гранат и даже ракет, запускаемых с переносных комплексов. Русские знали, как строить на века. От стен при попаданиях отлетали куски бетона, но дальше этого дело не шло. Под раствором оказался толстенный слой металла, скорее всего, титана или стали. Подрывы окон и двери тоже ничего не давали. Ни расширить, ни проломить их американцам так и не удалось. Русские строители могли гордиться своим творением. Более того, спецназовцы часто швыряли гранаты в окна, но ничего толкового это не принесло. Исламисты лишь злились и усиливали ответный огонь. Наверня-

ка внутри тоже имелись какие-то укрепления, иначе почему разрывы гранат не давали никаких результатов?

– Джимми, прекращай возиться со своим топором. Потом поточишь, сначала надо в лабораторию пробиться.

– Потом будет некогда, сэр. Только успевай фанатиков резать.

– С Бруно соревнуешься, что ли?

– А хотя бы и так, сэр.

– Дикари. Оба.

Похоже, генерал располагал неверными сведениями. Разведка где-то прокололась конкретно. Вместо десятка диких местных злодеев, вооруженных охотничьими ружьями и копьями, спецназовцев ожидало куда более серьезное препятствие. Оружие у исламистов оказалось ни хрена не примитивным, а равносильным американскому. Плюс ко всему нехорошему – ракет и гранат завались. Да не каких-нибудь, времен войны во Вьетнаме, а самых современных, самонаводящихся, разрывных, дымовых и прочих.

Кто мог знать, что в этой бывшей советской лаборатории сидит большая куча вооруженного народа? Разве можно было предположить, что надземную часть этой лаборатории хрен прошибешь, как ни старайся и сколько гранат и мин ни используй? Разведка ни сном ни духом не ведала и о том, что здесь окажутся два древних советских танка.

– Гарри, сейчас стрелять нельзя. Опустит винтовку. Иначе эти засранцы опять рассердятся и начнут швыряться ракета-

ми и гранатами. Потом палить будешь. Ночью.

– А почему, сэр? Чем больше сейчас, тем меньше потом.

– Рот закрой и опусти винтовку.

– Но, сэр...

– Мне повторить?!

– Молчу, сэр. Молчу.

– Так бы и сразу.

Надо было побольше народу с собой брать. Здесь нужна вся группа. Да и боеприпасов следовало запасти как для атаки на укрепленный район. В Ираке, помнится, тоже понадеялись на внезапность нападения, мощь оружия и попали в переплет. Но то – Ирак! Там, считай, целая страна с регулярной армией!.. А тут одинокая низенькая постройка посреди прокаленной солнцем травянистой равнины, на которой даже никто не живет. И вот – на тебе! Орешек оказался покрупче любого современного бункера.

Если бы спецназовцам удалось ворваться внутрь, то они смогли бы всех там перестрелять за несколько часов, зачищая один уровень за другим. Так ведь хрен туда проникнешь! Больше того, исламисты даже приблизиться не дают. Кристофер вон попытался, и что? Жуть!..

– Кристофер, как ты?

– В голове звенит, сэр. Где-то возле правого уха. Такое ощущение, будто комар залетел.

– Потерпи малость. Скоро возьмем лабораторию,ждемся ученых и полетим домой. Там тебе окажут необходимую

помощь.

– Хорошо, сэр.

Майор понял, что следует ждать темноты. Днем не стоит даже пытаться штурмовать. В темноте бойцы смогут неслышно подобраться к лаборатории и аккуратно снять часовых, если таковые у фанатиков имеются. Потом они ворвутся внутрь и начнут отстреливать всех сонных и ошарашенных исламистов, которые попадутся им по пути вниз.

Здесьние вояки наверняка не знают, что такое дисциплина и как следует действовать при опасной ситуации, вот и поплатятся за свои наглые попытки противостоять морскому спецназу Соединенных Штатов Америки. Удумали, понимаешь, танки применять да отстреливаться. Уроды поганые. Засранцы, мать их. Порвать к чертям собачьим, шкуру с живых поснимать, в тюрьму посадить на четыреста лет. Пусть знают, что со спецназом связываться опасно. Ух!

Майор высунулся из укрытия, посмотрел на закопченную лабораторию, злобно оскалился, глянул на своих людей и сообщил им:

– Будем штурмовать ночью, парни. Подберемся тихонько, всех часовых устроим, ну а потом покажем исламистам, как морской спецназ умеет брать такие объекты.

Бойцы заулыбались, предвкушая, как будут резать наглых фанатиков. Черный Джимми опять достал свой ритуальный топорик и принялся точить лезвие, и без того острое.

Майор закрепил последний ремешок на бронежилете,

взял винтовку на изготовку, оглядел личный состав и заявил:

– Значит так, парни. Сейчас начнем потихоньку выдвигаться к лаборатории. Без шума, не спеша, широкой цепью. Снимаем часовых, врываемся внутрь и всех там крошим в щебенку. Так, чтобы ни одна падла не выжила. В качестве пленных они нам на хрен не нужны, у нас цель другая. Не захотели сами уходить, значит, в этой чертовой лаборатории и полягут. Все до единого.

Спецназовцы одобрительно заворчали. Теперь они считали исламистов своими личными врагами.

Майор улыбнулся. По лицам подчиненных он понимал, что они готовы голыми руками рвать грязных фанатиков, засевших в лаборатории. Черный Джимми скалился словно перед ритуальным поединком. Бруно все свои ножи вытащил, готов хоть прямо отсюда их метать. Остальные выглядели не менее страшно. Уже один вид американского морского спецназа должен перепугать любого противника до икоты. Так уstrasить, что чертовы фанатики побегут в темноту, спасая свои грязные жизни. Но удрать им никто не даст. Его бойцы всех вырежут.

– Выдвигаемся, парни. Но только тихо, не спешите. До рассвета еще несколько часов, так что все успеете.

Спецназовцы растворялись в темноте совершенно бесшумно, даже оружие не звякало. Только глаза светились красным.

Силуэт лаборатории мрачно темнел на фоне звездного

неба. Поблескивали выбоины в бетоне, лунный свет отражался от металла, который русские использовали при постройке. Вдали шла какая-то перестрелка. Там иногда вспыхивали разрывы. Ночное небо казалось темным потолком, усеянным крапинками созвездий. Все было просто отлично.

Часовой маячил около входа в лабораторию, ходил туда-сюда. Даже издали было слышно, как он зевал и что-то бормотал по-своему. Давай-давай! Недолго тебе осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.